

ЛЮДМИЛА ЛИНДТРОП

*Я построю
корабль...*

ЛЮДМИЛА ЛИНДТРОП

*Я построю
корабль*

стихотворения

Московская городская организация
Союза писателей России
2008

© Л.А. Линдтроп, 2008
© МГО СП России, 2008

Просто быть

* * *

И легко безвозвратно себя потерять,
и тебя, отпустив, на судьбу не пенять.
И лететь камнем вниз, удивляясь, что жив,
кувыркаясь в потоках обжигающей лжи.

Все подумают, умер. Не всё ли равно!
Я, действительно, мёртв безнадёжно давно.
Только Что и осталось от тела душа,
за неё не дают ни наград, ни гроша.

И она, не увидев, куда себя деть,
для чего дальше жить, и о чём снова петь,
вдруг метаться начнёт из огня в полымя,
будто нет, да и не было рядом меня.

* * *

Исчезнет слабый пульс разорванного солнца
в объятьях серых туч на небе чёрных гроз
и чувства, и слова всё выпито до донца.
Исполнится с утра заказанный прогноз.

И незачем гадать, что, может, обойдётся,
и ветер, пожалев нас, изменит свой маршрут.
И жёлтая Луна всплывёт со дна колодца,
и снова отведёт циклон потерь и смут.

Неверие в себя заставит содрогнуться...
Шагнуть, упасть в постель и провалится в ад,
в котором только вход, и мне не увернутся,
и не остановить смертельный камнепад.

* * *

Сегодня снова ветер севера,
как вытряхнув из тучи душу,
В порывах страсти неумеренной
обрушит шквал дождя на сушу.

И вряд ли, к ночи распогодится,
и шторм на море успокоится.
И, как обычно, это водится,
нас всех замучает бессонница.

На реях флаг. Пустая палуба,
как будто призрак в море носится.
Покажется, что ветер пагубный
ко мне одной в каюту просится.

Покажется покой спасением,
как небо летом в бликах радужных.
Но только в эти дни осенние
С моей душой он, вряд ли, свяжется.

Как мне увидеть света линию,
что Родиной мне милой помнится.
Быть может, ветры нас помилуют,
и донесут к нам эхо звонницы.

И пусть вернёт звон Наше грустное!
Всё сохранить хватило б мужества!
Не вижу, но щекой почувствую,
как в звездопадах осень кружится...

* * *

Весна приходит не по временам.
Не в сроки, что погодою отмечены...
Она как градус терпкого вина,
из кладовых забытого и Вечного.

Все старые условности круша,
из снегопадов зим и вьюг пророчества,
вдруг вырвется весенняя душа,
привыкшая к обрядам одиночества.

И вновь заплачет или запоёт,
свободой радуя и сладко мучая.
И первый шаг твой будет, как полет,
куда не ясно, но, конечно, в лучшее.

* * *

И принимая всё таким, как есть,
люблю её и сердцем понимаю.
И щедрость солнца, и туманов взвесь,
и жёсткость февраля, и резвость мая.

И ужин в отчем доме при свечах,
под ветра свист от неуёмной воли,
и цвет в окне, что без воды зачах,
и бег коней галопом в чистом поле.

Цветенье трав, степей ковыльных бунт,
берёзовые рощи за пригорком,
и тяжесть посетивших горьких дум
в большом театре буден на галёрке.

Не думаю о ней — болит душа,
подумаю — ещё сильней занает.
...помчится век, всё новое круша,
оставив грусть с непроходящей болью.

* * *

Вставай! Пойдём! Один шажок!
За ним второй! Труднее третий!
И верю я, поможет Бог,
нам снова рядом утро встретить.

Не отводя от Бога взгляд,
с тоской и верой осторожной
твержу который раз подряд,
что всё всегда исправить можно.

Прошу, дай Бог, всем нам покой!
Дай счастье и здоровье людям!
И я за этот путь домой,
отдам, что есть, и всё, что будет.

* * *

На тонкой веточке зелёной берёзы
повисло солнце на закате дня.
Но ветры принесли дожди и грозы,
и не осталось солнца у меня.

На утро оно выплывет из моря,
и полетит над миром войн и роз.
И вновь, устав от маяты и споров,
Зацепится за веточки берёз.

* * *

И если время снова против нас,
начни играть на дедовой гитаре,
и ты поймёшь, что жизнь дана не раз
никем не побеждённом в финале.

Пусть звон давно осиротевших струн
коснётся нивы скошенного поля,
и к солнцу зашпешит прозрачный вьюн,
и полетят над полем вихри-кони.

Перебирая пальцы детских рук,
вложи в гитару молодую душу.
Не забывая дедовских разлук,
о новых встречах думай. И не слушай

всех тех, кто сам давно не может петь,
и тех, кто сам стихи писать не может.
И если вдруг аккорд хлестнёт, как плеть,
почувствуй это разумом и кожей.

Никто из нас не защищён от бед.
Ты, новым поколением рождённый,
запомни, в этой жизни даже дед
проигрывал, но не был побеждённым.

* * *

В стране слепых и одноглазый царь
надежда и опора для незрячих.
В хмелю кладём мы душу на алтарь
под вой сирен и лай собак бродячих.

С горячих губ сорвётся тихий стон.
Мир разделён на падших и не павших.
Мы все во сне, и вечен этот сон,
а говорили, мир весь будет нашим.

Я одного себе простить не мог,
что видел вновь поверженные флаги.
И плакал, не стыдясь. И видел Бог..
И бросил в печь последний лист бумаги.

* * *

Еще жив старый пес, что всегда был ничейным,
и бродил по дворам самых добрых людей...
И со мной среди звёзд видел вёсен свеченье,
и зайти в сени мог, и зимою не мерз.

Ещё живы поля... Что же вдруг изменилось.
И чужие дома не глядят на меня,
будто я ненароком попала в немилость,
проходя мимо них среди белого дня.

Ещё живы... А может, мне кажется это...
Живо то, что ты сам в своём сердце сберёг.
Только в нём уже нет ненаглядного лета...
и пылится в альбоме сухой мотылёк.

* * *

Ты этим и поныне часто болен,
и смерть играет снова в «чёт не чёт».
И вспоминаешь стон на поле боя:
«Ты напиши, и кто-нибудь прочтёт!».

Не провести черту между надеждой
и горечью летящих мимо лет.
И нет конца. И до сих пор безбрежны
поля тоски и океаны бед.

И снова дирижёры-виртуозы
играют свой концерт, не зная нот.
И я скажу себе: «Пока не поздно,
ты напиши, и кто-нибудь прочтёт!»

Как плакали, когда сдавали нервы,
как жизнь любили те, кто уходил,
шагая в ногу с контуром фанерным
по краю уже вырытых могил.

Как верилось, и как дышать хотелось,
как от свободы не спалось порой.
Кого винить, что нам всем ближе к телу
заношенных до дыр одежд покрой.

* * *

Памяти Риммы Казаковой.

Всегда в оковах бытия,
душа сама себя научит
и боль терпеть, и без нытья
срываться в бездну ада с кручи.

И гордой быть, и быть прямой,
отвергнув рабское смирение,
перед объявленной войной
захвата мира суверенного.

И пусть не побеждает смерть,
безвременьем стирая прошлое,
не отпевая всё хорошее.
Всё то, что было у нас. Есть!

* * *

И строй друзей заметно поредел
на выделенной временем дороге.
Им надо было б отдохнуть от дел.
И нам бы не сойти с ума, не дрогнуть.

Не задохнуться б в душных городах,
спасаясь ожиданьем новых ливней.
Никто из нас ещё не угадал
в чём смысл и польза
параллельных линий.

И смотрим мы на солнечный круиз,
как на свои закат и восхождение.
Летит душа без паспортов и виз,
свободная от пут со дня рождения.

* * *

Задержавшись у друзей попозже,
я пойму, кого мне снова жаль
это дом мой с маленькой прихожей,
что меня опять так долго ждал.

И полет стрижей средь листопадов,
и тоску, и тучи надо мной,
и всё то, с чем нет ни сна, ни сладу,
снова понесу к себе домой.

Утром все поля туман застелет,
укрывая первую росу.
Дома помогают даже стены,
и опять они меня спасут...

Дома помогают даже двери
обозначить выход из беды,
развернув холсты бескрайних прерий
вместо придорожной лебеды.

* * *

Мы пришли с верой в жизнь. А уходим, не веруя
ни в себя, ни в друзей, ни в царя, ни в страну.
Потому, что всегда мы с тобой были первыми
среди тех, кто бежал с корабля, что тонул.

Не вини тех, кто был твоей Родине мачехой.
И друзей не вини. Ты же тоже смотрел,
как взрывалась земля желтизной мать-и-мачехи,
и ложилась на лица безжизненных тел.

Но не надо при нас называть трусость дружбою.
И не надо прощать нас за давность вины,
и за то, что, как всех, нас считали послушными.
Мы не слушались сердца на пороге беды.

* * *

Как хочется мне быть сентиментальной,
и удивляться первому ручью,
и запирать на ключ все двери спальни,
и плакать, и грустить, когда хочу.

И радоваться звукам вальсов бальных,
где каждое движение полёт,
где в окнах снег, а в зеркалах овальных
торжественная полночь настаёт.

Где всё прощается тому, кто помнит,
тому, кто любит, будто в первый раз.
Пусть лабиринты царских светлых комнат
оставят на мгновенье рядом нас.

Дай Бог всегда мне быть сентиментальной,
а значит быть всегда самой собой.
И по дороге близкой или дальней
бежать из дома и лететь домой.

* * *

Наступит осень с долгими дождями,
заполнив душу приступом тоски
от сходства, что возникнет между нами
к зиме посеребрённые виски.

На плечи ляжет снег, как обречённость,
что посылает каждый год нам Бог,
но не сломить ей духа увлечённых
летающей бесконечностью дорог.

Пусть вьюги снова рвут сердца, как струны,
и, как немой вопрос, реки излом,
и ночь длинна, не будем даже думать
о неизбежности, что рвётся в дом.

* * *

Снова рвётся в окно снежный ветер,
до земли оголяя поля.
Мне тебя не увидеть, не встретить
потому, что ты мама моя.

Снегопад заблудившейся стаёй
жмётся к марту, как дни февраля.
И, старея, я взрослой не стану
потому, что ты мама моя.

* * *

Так повелось, Русь многого не помнит:
сердец и глаз, попавших к рабству в плен,
и праздники под стон каменоломен,
и невозвратность старых перемен...

И радуясь раздолью новых скважин,
и уничтожив память сгоряча,
история, как маятник, однажды,
смахнёт нас всех со своего плеча...

* * *

Не двигаться вперед идти назад,
где реки пересохла до болота,
и новые скелеты прошлых дат
косятся на меня вполоборота.

И снова ускользает время проб,
и воздух затхлый будто неподвижен...
И пятится всё задом наперёд,
чем дальше от него, оно всё ближе.

* * *

Вроде всё, как всегда.
Но слова не ложатся лугами.
И не слышно дождя в середине листа.
И страница пустая, как будто нагая.
И так тихо вокруг, будто все неспроста.

Может, это затишье перед новой метелью,
может, это мой май снова предал меня.
Неспроста горизонт был вчера ещё белым,
а сегодня на серый свой цвет поменял.

Закружу, как юлу, тёплый маленький глобус,
и на нём захочу тебя снова поймать.
В девять двадцать уходит сорок первый автобус,
только я опоздала, опять двадцать пять.

* * *

А вам хотелось просто быть?
Жить, как живут все! Ясно! Просто!
Взять и на миг всё позабыть,
чтоб снова помнить до погоста?

А вам хотелось просто быть?
Сосульки палкою разбить,
по улице пройтись пешочком,
и не найдя слова для строчки,
вдруг волком на Луну завывать?

Сладок мне осени плен.
И не могу наглядеться
я на прожилочки вен
листьев, похожих на сердце.

Знаю, не короток путь
этих осенних расцветок,
но не могу я свернуть
в зелень волшебного лета.

И не могу поменять
цвет горизонта на синий.
Стал он опять для меня
сеточкой замкнутых линий.

* * *

У слепого слепой поводырь.
Снова мы потерялись во времени.
И несётся на нас этот мир,
потеряв не одно поколение.

Солнце светит, но греет не так,
И не всех, для кого предназначено.
И путь дальний, и маленький шаг
только тростью слепых обозначены.

* * *

И смотрела нам в лица земля, как чужая,
и душа холодела от жара свечей.
Мы не прятали лица, друзей провожая,
не читали пространных и пышных речей.

По частице от сердца года отрывая,
оставались одни со своею бедой.

И кляли пустоту обещания рая,
чтобы завтра, как с нами,

не случилось с тобой.

Рвали душу напрасно, вылезали из кожи,
чтоб не видеть, не слышать чего не хотим.

И молясь, понимали, что Бог не поможет.

Путь позора и глупости необратим.

И хотелось нам жить, как никто ещё не жил,
в этой странной любимой желанной стране.

Но весна приходила всё реже и реже,
оставляя глаголы с частицами «не».

Не могли, не умели, не видели дальше...

И кого нам винить, на кого нам пенять?..

И стонала земля под метелями фальши,

И что с нею и с нами уже не понять.

* * *

Ну, конечно, знаю, обижаю.
Но боюсь, что не поверишь мне,
что люблю, когда вдруг приезжаю
я бродить по листьям в октябре.

За сто лет в реке лёд не растаял.
Нет здесь мест без слёз и без грехов.
И чернее речки не бывает,
и светлее нет у нас стихов.

* * *

Мир нежен и хрупок иголочка льда,
душой прикоснёшься живая вода.
Оттаешь сама, и живое тепло
По душам к сердцам по руке потекло.

* * *

Помимо прочих всех печалей,
живёт навязчивая грусть,
что мой корабль не там причалил,
а где-то дом мой тих и пуст.

От двери тянется мой след,
и снег там льдом лежит на крыше.
И тишина, но я-то слышу,
что будущего в доме нет.

* * *

Как капелька предутренней росы
предтеча затяжных осенних ливней,
так дождь слепой над лесом моросит,
чтоб превратиться вновь в снега и иней.

Волшебный звон святых колоколов
над сумасшедшим разноцветьем поля...
И ты молчишь. Не надо лишних слов,
чтоб понимать нам, что такое воля.

Бессмертье времени, как западня,
в которой нам покажется мы вечны...
...и не по нам колокола звонят,
и годы исцеляют нас и лечат

* * *

Как будто порванными стягами,
бельём не снятым травы косит.
Ты своей песни не затягивай,
уставшая от ливней осень.

Дай передых, дай успокоиться,
и не гони из лета в зиму.
И пусть не глушат эхо звонницы
ветра, спеша куда-то мимо.

Дай отдышаться! Дай опомниться
от мук осенней канители!
И заberi с собой бессонницу,
оставив сны, где мы летели.

* * *

Прощайте! Прощайте! Увидимся ли,
на этом клочке позабытой земли,
где сосны, как мачты больших кораблей,
чем дальше от них, тем видней и родней?

Земли, где подсолнухи, лень им не лень,
с утра объявляли, что начался день.
И сотнями жёлтых-прежёлтых корон,
склонялись ко мне, если кончился он.

Прощайте! Прощайте! Увидимся ли?
Где в каждой песчинке ромашки цвели.
Где я выходила босой на порог,
сама выбирая одну из дорог.

Где ночью меня не будили ветра,
чтоб снова напомнить всё зло от добра.
Здесь ты, как и я, не смотрел на часы,
уснув на песке золоченой косы.

Прощайте! Прощайте! Увидимся ли!
Ты ветры и Бога об этом моли!
А я помолюсь, от любви уходя,

* * *

Замечутся пугливые берёзы
под жёлтой сеткой липкого дождя.
Морозный день, вплотную подойдя,
раскрасит всё под веточки мимозы.

Закат на ветер, снова став багряным,
придёт надолго, будто на постой.
И клёны, одурев от ураганов,
Начнут сорить червонною листвою.

* * *

Люблю смотреть я осени в глаза.
В них всё: и путь от счастья до расплаты,
и кроны у берёз, как Образа,
над всполохом пожара от закатов,
и золото листвы, и ветра медь,
над платиной осеннего залива,
и листопадов мокрых круговерть,
и облака, и тучи цвета сливы.

* * *

Нет, не умерить ветра прыть,
не укротить его желаний,
во всю Ивановскую выть,
сводя с ума своим брюзжанием.

Порвав предстартовую нить,
с таким настроем в храм врываться
во все колокола звонить,
и во все тяжкие пускаться.

И в спину вновь прохожих гнать,
подняв нелепый бунт на суше,
разворотив проезда гать
к любимым, ждущим меня душам.

Сорвав слезу с моей щеки,
не думай, что смертельно ранил.
Есть в этой жизни смельчаки,
что в десять раз тебя упрямей.

* * *

Ты в прелых жёлтых листьях на дворе,
и в радугах сиреновой капли,
и в суете метелей в январе,
что талою водой текут к апрелю...

Ты вся из сотни тысяч «да» и «нет»,
из беглых встреч, что горше расставаний.
Уходит поезд мой на много лет,
что не вернут ни метра расстояний.

В раю прохладных рощ, в аду степей,
пропитанных ковыльным жаром лета,
я буду в снах своих теперь смелей,
и сразу напишу тебе об этом.

А осень всё дождём заволокла,
пройдёт один и вновь начнётся новый.
Пустой квадрат вагонного окна
не возвратит мне ни лица, ни слова.

* * *

Не уходи, зима! Мне так вдруг захотелось,
чтоб ты ночным туманом стояла у дверей,
и гроздьями рябин, и грустью переспелой
маячила в глазах, как стайка снегирей.

Не уходи, зима! Не похоронной тризной
я провожу тебя в заснеженный твой рай.
Ты прилетай ко мне изнеженной, капризной.
Когда весну не жду, ко мне ты прилетай.

Уходишь, уходи, и помни о хорошем.
Пусть ледяные руки тебе согреет май.
И в платье своём, всём в беленький горошек.
Когда наступит осень, ко мне ты прилетай.

* * *

Тревожно звенели в степи бубенцы
и таяли с облачком пыли...
Над нашей любовью смеялись глупцы.
А мы ещё крепче любили.

Любовь не бывает смешной никогда,
её может быть только жалко.
А может она, несмотря на года,
остаться красивой и жаркой.

Почувствуешь вновь покачнувшийся мост.
И шаг не ступить раскачало.
И падаешь вновь, и не встать во весь рост,
и всё начинаешь сначала.

Чего не пророчили только слепцы!
Какими мы верными были!
Над нашей любовью смеялись глупцы,
а мы ещё крепче любили...

* * *

Любовь не меняет
маршрута и голоса.
Земля для любви —
это взлётные полосы.
И если однажды
всё это уходит,
то жизнь нас стороной,
как мёртвых, обходит.

* * *

И прошлое, отчаянно храня,
где навести порядок не под силу,
я бы опять у Бога попросила
любовь и жизнь. И вновь не для себя.

* * *

Когда в окне зависнет белый месяц
и осень с градом лето перевесит,
а мелкий дождь и в крапинку, и в клетку
прольётся с грустью на мою жилетку,
ко мне ты, знаю, больше не вернёшься.
Смотрю на фото, ты опять смеёшься.

* * *

Понимаешь, так выпали звёзды,
что когда ты ушёл, я пришла.
И сначала туманная роздымь
Заслонила тебя, не спеша.
А потом полетели метели
и замёрзла в термометрах ртуть.
И без нас снова, только без цели,
наши звёзды продолжили путь.

* * *

Я знала, что весна своё возьмёт,
развеив наши домыслы и слухи.
Светлеет вечер, и оконный лёд
дорожкой тёплой бежит на руки.

И солнечный весёлый хоровод
опять затеют вдоль дорог берёзы.
Перебегут ручьи поляны вброд,
освобождая землю их под росы.

И я вернусь к вам, милые леса,
где ждёт с зимы меня лесная птица
и крот, принявший мох за небеса.
Ну, как сюда мне вновь не возвратиться!

* * *

Не пишется снова, хоть что-нибудь сносное,
о ветре с дождями, что мимо летят,
о листьях, сожженных кострами и осенью,
о талой воде для замёрзших утят.

И я расстаюсь с запятыми и точками,
ни правил, ни снов, ни себя не щадя,
чтоб самыми нежными, лёгкими строчками
дойти, долететь, добрести до тебя.

Приду пусть не вовремя. Поздно ли, рано ли...
Любви не прося ни на век, ни займы.
И стану теплом меж оконными рамами,
чтоб дом твой согреть от нападок зимы.

Влечу к тебе воздухом праздничной улицы,
в накидке из синего ветра ворвусь.
И лёгкой прозрачною странною путницей
умчусь, забирая с собой нашу грусть.

Признайся, что уже нас разлучить не смогут
ни шуточки друзей, ни выпады врагов,
ни те, кто, обвинив, ни сжалится, ни дрогнет,
от скуки предрекая и боль, и гнев Богов.

Признайся, что уже ты без меня не можешь
не жить, и не дышать один в чужом краю.
Нельзя всё это в нас вдруг взять и уничтожить.
Всё это невозможно в аду ли мы, в раю...

Прошу тебя, храни, что есть, что было свято.
Ни разу и никто за нас любовь не спас.
Признайся, что уже мы будем виноваты,
когда один соврёт, хотя бы только раз.

И синь росы в цветах, и нежный запах мяты,
и на полях туман, как белой ваты клочок...
Признайся, что уже не можешь без меня ты.
Признайся, что меня не встретить ты не мог.

* * *

Иди за мной, февральский снег.
Я знаю, здесь не мало есть дорог,
что вылизал метлою человек,
для наших от зимы уставших ног.

Ускорю шаг, погонишься за мной,
и прикоснёшься, и растаешь вновь.
И дворник, что вчера ушёл в запой,
нам пробубнит: «Что делает любовь!»

* * *

Закрою дверь и не пойму,
пришла ль в свой дом,
ушла ль из мира.
Простила всех, или войну
всему я миру объявила.

И снова будет снег лететь
в окно не солнечного дома,
и ветер, как тугая плеть,
сбивать охапки ваты с кленов

* * *

Снова осень вся в одеждах красочных
от зимы откусывает дни.
И опять гнездятся наши ласточки
там, где исчезают корабли.

И опять сердца стучат по-зимнему,
привыкая к постоянству выюг.
И деревья в белоснежном инее
о тебе с утра напомнят вдруг.

Но признанья не облегчат душу.
Снова сердце в сутолоке дня
ритм осенней грусти не нарушит,
о любви не встреченной скорбя.

Не печалься ни о чём заранее,
и не радуйся тому, что нет.
Зимы поздние и вёсны ранние
поменялись чередой примет.

* * *

На теплых окнах белый снег и иней
нарисовать одну картину рад.
И так похожи все изгибы линий
на облик твой и твой последний взгляд.

И никуда не деться от видений,
и в окнах только иней, снег и ты.
Навязчивая точность совпадений,
забытые любимые черты.

Не уходи, побудь со мной немного,
пусть призрачен твой снежный силуэт.
Прости мне грусть и новую тревогу,
В которых смысла не было и нет.

* * *

Есть в слове «ждать» святая предрешённость,
похожая на смертную тоску,
на зов любви и на опустошённость,
но я опять всё выдержать рискну

Есть в слове «ждать» неведомая сила.
Она поднимет и покинет вдруг,
и снова соберёт, по нитке с мира,
терпенье всех забывшихся разлук.

Есть в слове «ждать» великое уменье.
И кто б сейчас ни шёл плечом со мной,
«я помню это чудное мгновенье»,
когда идти решила за тобой.

* * *

Пусть зеркало меня обманет,
вернув мне прежний юный лик,
со взглядом самой кроткой лани
хотя б на миг. Всего на миг.

Пусть пронесутся звездопадом
года, что в юности слепой,
являясь раем, стали адом
разлук с тобой, разлук с тобой.

Пусть случай сделал нас чужими
и от ошибок нас не спас,
не будем слезы лить, мы жили
все в первый раз. Все в первый раз.

Пусть снова дальняя дорога
откроет самый ближний путь,
чтоб отдохнуть, хотя б немного
когда-нибудь, когда-нибудь.

Пусть время нас не судит строго
ни до, ни после, ни сейчас,
всех возвращая снова к Богу,
в последний час. В последний час.

* * *

Легко поверив в майский день,
нежданно забреду в метели,
что из забытых деревень
на город мой вдруг налетели.

И на сирень, что за плечом,
легло заснеженное небо.
И все надежды ни о чём,
когда мой май тобою предан.

И эту грусть в себе ношу,
меняя смысл, сбивая точки,
пока опять не напишу
спасительной заветной строчки.

На перепутье новых лет
меняем старые привычки.
И остаётся только с личным
и с тем, что не было и нет.

Я построю корабль

* * *

Я построю корабль из стволов рыжих сосен,
что светлее, чем утро от брызг янтаря,
Суету бестолкового города бросив
и уют поменяв на звезду бунтаря.

Будут ветры гремять, разбиваясь о волны,
станут птицы кричать, предвещая беду.
Что обидного в том, если люди не вспомнят
и на помощь уже никогда не придут.

Кто хоть раз прожил жизнь, все дела переделав,
дочитав, долюбив, дорогие глаза?
И кому летний гром и блестящий снег белый
расставанье с любимой Землёй предсказал?

Так не будем грустить, если выбрано время,
превращаясь в безликую серую тень.
В жарком круге огня, в солнце вечное веря,
вспомним, как под окном нежно пахнет сирень.

* * *

Надежда умирает самой первой,
и без неё за ней уходим мы,
не укротив распущенные нервы
и в безнадёге обвинив весь мир.

И если мой последний луч надежды
покинет самый светлый уголок,
растопит наледь сердца под одеждой
тепло тех слов, что ты сказать не мог.

Пусть нет любви, которой так хотелось!
И бабочкою сердце не летит!
Надеяться на верности нетленность
никто и никогда не запретит.

* * *

К траве ветерком прикоснётся заря,
и росы в полях зазвенят.

От первого сна до последнего дня
ты будешь, ты есть у меня.

Пусть случай обманет, надежды кроя,
пусть люди в грехах обвинят.

От первых беды до последнего дня
ты будешь, ты есть у меня.

Заплачет душа, все года разменяв
на грёзы, чужих не приняв.

От первой звезды до последнего дня
ты будешь, ты есть у меня.

* * *

Пусть алый закат до сих пор не потушен,
а только красней во сто крат,
и пламя огня, перекинувшись в душу,
расправится с памятью дат,
прости мне мою безответную верность,
что так одинока в миру.
Прости беззаветную детскую веру
в любовь, без которой умру.

* * *

Стала мне квартира хуже плена.
Под окном, прилипший к дому мост
тянет за собою рельсы-вены
и трамвай мой, как кота за хвост...
И опять меня встречает осень
стаей птиц, летящих от Невы.
Ну, конечно, Вы меня не бросили,
не успели встретить меня Вы.
Спят над пледом желтых листьев вьюги,
и в осенних танцах лиц и глаз
мы уже не встретили друг друга,
еду я опять ещё без Вас.
Пусть все расстояния меж нами
память не забудет отменить.
Ближе с Вами мы ещё не стали.
Вас никем уже не заменить...

* * *

И в закатах, как в красной реке,
снова мокнут осенние листья.
Не пиши мне прощальные письма.
Я решила уйти налегке.

И щекой прежних писем касаясь,
не жалея, что жарок камин,
допивая решенье, покаюсь,
память лучший напиток из вин.

* * *

Последний снег, прощальный снег
на крышах мокрых изб ютится,
спеша каплейю тёплой влиться
в водовороты талых рек.

Как я желал, как я любил,
никто не знал. И только звезды
из перевёрнутых глубин
шептали: «Поздно... поздно... поздно».

* * *

Напрасно всё затеют палачи...
Шагнув на эшафот, она не тает,
а ввысь летит с последней птичьей стаей,
оставив навсегда в дверях ключи.
И станет одиноким старый дом,
в котором поселился мёртвый холод,
и все разлуки это только повод
с другими вспоминать её потом.

Пусть всё не то, и все слова не те
в смятении последних беглых строчек...
Не привыкая к новой пустоте,
заглядываю в каждый уголочек
больной и угасающей души,
что снова в эпидемиях надежды,
летит за ней и рвётся, и спешит,
чтоб быть с любовью бесконечно нежной.

* * *

Я где-то видела твои глаза.
В них было всё от счастья до потери.
И закрывались долго-долго двери,
и расставались наши поезда...

* * *

Не исчезает в суматохе дней
нелепая привычка быть счастливой.
Не создал Бог ещё любви предел,
но нас к нему несёт неумолимо.

В плену бессвязной суеты сует,
в окутанные холодами зимы
любовь живёт вне возраста и лет
и всюду нас преследует незримо.

Пора тебе, зима, скромнее быть!
Окончен бал. Другое время года
должно снега с полей лучами смыть,
сменив на март, морозную погоду.

Наряды выюг по-царски хороши!
Прекрасны шлейфы платьев у метелей!
Но, если честно, мне бы для души
скорее б птицы с юга прилетели.

Распаковав холодное окно,
я захочу быть вновь к весне поближе,
и прошлой снежной стужи толочно,
стекая с рамы, руки мне оближет.

Не надо делать вид, что ты верна,
ни разу не согрев меня ночами.
Пусть не жила я. Я не умерла.
Окончен бал! И я весну встречаю.

* * *

Легко ушла легко пришла.
И не заметили сначала,
как, снег и лёд развороша,
на волю вырвались причалы.
И воздух, что сосулькой стыл,
свисая снежной струйкой с крыши,
растратив ледяной свой пыл,
со мной теплом сегодня дышит.

Как близок мне весенний нрав!
Когда как будто бы с налёта,
дорог узлы все развязав,
не замечая поворотов,
ворвётся в город мой Весна,
согрев нам нежным ветром лица,
оставив снова всех без сна,
и с тем, что нам зимою снится.

* * *

Умеренность во всём залог счастливых судеб.
Плывёт по расписанию к рассвету шар земной.
Но мы сегодня вновь загадывать не будем,
что ждёт нас и не ждёт за снежною зимой.

Душа в последний раз тоской переболеет,
и, распрощавшись с ней, для сердца сбережёт
тот маленький огонь, что вновь весной согреет,
и тот большой костёр, который нас сожжёт.

* * *

Согреет кровь, излечит душу
и даст в себя поверить вновь
корабль, что плывёт по суше,
корабль с названием «Любовь».

И если к берегам отчаянья
похожесь буден понесёт,
пусть никогда он не причалит.
Не пристань пусть любовь спасёт.

Пусть наше мужество и стойкость
впитают мачты и флагшток.
Всего-то надо! да и только...
А в остальном поможет Бог.

* * *

Ну, зачем тебе была нужна
с летними полями моя шляпа
и какая в том была нужда,
чтоб её царапать рыжей лапой?

Посмотри, ты вырвал островок,
где тем летом я встречала солнце.
И теперь я вижу лишь порог,
за дырой соломенного донца.

Лучше съел бы всё... весь сладкий мёд...
Шляпы нет не наступило лето.
И теперь, когда оно придёт,
не узнаю я уже об этом.

* * *

Белым шрифтом на белой странице
напишу я письмо для тебя.

И оно вновь ко мне возвратится
синей дымкой весеннего дня,
тёплым полем, засеянным рожью,
и степями у солнца в плену...

Если ты мне ответить не сможешь,
я сама остальное пойму.

* * *

В конце тоннеля солнца через край.
Так полыхнёт вдруг по глазам до боли.
И если есть на свете дивный рай,
так это чувство обретённой воли.

Её мне не хватает каждый час.
Не рассказать, не объяснить словами.
И каждый день как будто в первый раз
Чего-то ждём, чего не знаем сами...

* * *

Вдохнув с утра глоток святой надежды,
в который раз поторопив коня,
промчусь с ветрами по полям безбрежным,
что снова к жизни возвратят меня.

Пусть осень, красным клёном догорая,
на землю бросит первый зимний блик,
уговорю открыть ворота рая
отчаянную радугу на миг.

А там рукой подать до звёздных ливней,
не покидая Землю ни на час,
там солнца луч меня теплом обнимет.
И я молюсь, чтоб не в последний раз.

* * *

Ветров в моём краю хоть пруд пруди.
А вот такого не было в помине
казалось, что из нас он души вынет,
оставив пустоту и боль в груди.

И разобьёт о воздух, балагурия,
не тронув душ, что в пятках прижились.
Но мы, как прежде, в каждой новой буре
цепляемся за ветер и за жизнь.

* * *

Вот опять уходит лето.
Холодок бросает в дрожь.
Снова осень разодета
в красно-жёлтый макинтош.

Будто только что рождённый,
попыхнёт огнём закат,
и сорвёт одежду с клёнов,
как сто лет тому назад.

И метели в снежном вальсе,
будто волн девятый вал,
вдруг застынут в реверансе.
И начнёт весна свой бал!

* * *

Время сотен эпох, на алтарь слёзы вылив,
промелькнёт и исчезнет в тёплом свете лампад.
Мы по жизни пройдем, как погода, как ливни,
появляясь не там, и опять невпопад.

Кто нас бросил сюда в мир сирени и снега,
где не заняты делом, но некогда жить,
где печальные мысли и сладкая нега
по осенним полям будут вечно кружить.

Растеряв что доньше хранилось веками
и впуская в сердца ненавистный покой,
не врагов, а друзей в нелюбви упрекали,
пока сами на всё не махнули рукой.

Но, не веря, что шанс до конца не упущен,
так хотим и мечтаем вернуться домой.
И пытаемся думать, конечно же, лучше
о земле, о судьбе, о свободе хмельной...

* * *

Где-то веточка жалобно хрустнула,
и затих в дрёме сказочный лес.
И кукушкино Эхо про грустное
прозвучало, как голос с небес.

Пусть, как дождь, мимолётная паника
слишком грустной строкой пробежит.
Пусть всё станет событием памятным
под коротким названием «Жизнь».

* * *

Есть только те, кто сражается.
Луис Ривера

Есть те, кто защищается и борется,
и тот, кто с поля боя, в смерть не веря,
выводит за руку слепую троицу
Любовь, Надежду и святую Веру.

Есть те, кто любит и душой, и памятью
свою веками проклятую землю.
Кто не знаком с предательством и завистью,
и кто насилья в жизни не приемлет.

Есть те, с кем мне гуляется и любится,
с кем хватит места мне на корабле.
Есть те, с кем многое забудется
в разгульном непонятном ноябре

* * *

И потеряются печали,
как давний след затопчется.
И поезд кораблём причалит
туда, куда мне хочется.

И громко сердце будет биться,
забыв несчастья прежние.
И растворяться, и томиться
в объятьях новой нежности.

* * *

Ещё чуть-чуть и новая гроза,
ослепнув в свете молний, будет рада
ударить по доверчивым глазам
и заодно по любопытным взглядам.

Ещё чуть-чуть, и снова из-под ног
уйдёт земля, последняя держава.
Конечно же, ты прав, конечно же, урок.
Конечно же, ушёл. Я не держала.

* * *

И не пытайся удержать меня
для парусных судов опасны мели.
И мой корабль однажды поменял
всё на свободу ради смысла цели.

Чужие руки любят сгоряча...
Но обжигает память наши души
при мысли, что всего одна свеча
смогла когда-то Карфаген разрушить...

И не пытайся удержать меня...

* * *

И не пытайся удержать меня
для парусных судов опасны мели.
И мой корабль однажды поменял
всё на свободу ради смысла цели.

Чужие руки любят сгоряча...
Но обжигает память наши души
при мысли, что всего одна свеча
смогла когда-то Карфаген разрушить...

И не пытайся удержать меня...

* * *

И самый долгий день закончится однажды.
Не знаю ли на счастье, а, может, на беду
в одну и ту же реку никто не входит дважды,
а я вот не поверю, и вновь к тебе приду.

Давай с тобой пойдём вдоль берега упрямо
и снова к морю выйдем на белые пески.
Там воздух и от трав, и от свободы пьяный.
Проверено, он лечит от грусти и тоски.

* * *

Любовь исчезла из легенд и былей...
Но зло не правит миром беспредельно...
И мы все любим. Любим и любили
неистово, открыто, безраздельно.

И пусть любовь с ума нас снова сводит,
и нет в ней удержу, и нет с ней сладу,
Пусть мужество с любовью рядом ходит.
Любовь, как вал девятый, не для слабых.

* * *

Поднимай паруса, пока ветер попутный,
пока грузом не тянет вновь прошлого кладь.
Даже если наш Бог вдруг чего-то напутал,
то уж в море ему мы должны доверять.

За спиной города, поседевшие в пробках,
Дорогих иномарок с чужими людьми.
Что ты смотришь на волны и грустно, и робко?
Поднимай паруса и не бойся судьбы.

Не грусти о былом! Нам немного осталось,
за фарватером ждёт нас большая вода.
И полощется ветром, как знамя, наш парус,
и мы снова плывём неизвестно куда.

* * *

Проститься не спеши, идущий на закланье,
не прячь лица, не хорони себя.
Последняя слеза, как предсказание
не встреченного завтрашнего дня.

Пусть завтра не узнаем мы друг друга,
и снова что-то нам напомнит вдруг
и безысходность замкнутого круга,
и бесполезность прожитых разлук.

Забить любовь убить своё дыханье,
не выстоять в войне, где льётся кровь.
Пусть держат нас в плену воспоминанья!
Пусть всюду нас преследует любовь!

* * *

Птицы низко, грозы близко,
Раскричалось воронье.
На столе лежит записка,
А в записке всё вранье.

* * *

Пустой заброшенный порог
Остатки твоего пространства...
Не требуйте любви в залог,
живя в плену у постоянства...

Не потеряв, вновь не найти...
Осталось мне совсем немного
вновь стать любимицей у Бога,
и заново весь путь пройти.

* * *

Убранство сентября накинула на плечи.
И думала, от осени её не отличу.
И первый мокрый снег мне бросила навстречу,
Подранком пробежав по тёплому лучу.

Нам рано уходить и поздно расставаться.
Прошло немало войн, ушедших без побед.
И не хочу с зимой я рядом оставаться.
Но поднят белый флаг на много-много лет.

* * *

Вновь занята она с зимой нелепым спором,
кому горит «зелёный» на подъездных путях.
А я ещё не знаю, что осень будет скоро,
и птицы с красных клёнов за море улетят.

А я ещё не вижу на небе и намёка,
что солнце может окна однажды обойти,
что призрачным туманом,
пришедшим раньше срока,
нас окружает осень, и нет назад пути.

Я всё ещё смеюсь в глаза залётным грозам,
что огненные стрелы, шутя, бросают в нас,
и я ещё могу быть неуёмно смелой
пока Господь от бед меня на время спас.

* * *

Гоните прочь печаль! Напрасны рассужденья
о том, что без тоски прожить никак нельзя...
Тоска, как в трюме течь, как саморазрушенье
живого корабля по имени Земля.

В бездомности планет, в падении кометы
таится не одна сплошная боль и грусть.
И плачут, как всегда, от нежности поэты,
когда летит звезда. И часто бьётся пульс.

* * *

И сколько б дорог ты, пройдя, не менял,
И как далеко бы ты ни был.
Спасибо за то, что ты есть у меня,
и я под одним с тобой небом.

Спасибо, что мне помогаешь идти
по скользкой земле бездорожья,
по шатким мостам, что стоят на пути,
когда устоять невозможно.

* * *

У нас опять капризничает лето,
прогнав дождями тёплый ветер с юга.
И новый холодок по всем приметам
нас выведет из замкнутого круга.

И разойдёмся каждый в свою сторону,
не плача ни о чём и не грустя.
Нелепость снов поделят снова поровну
вспоминанья много лет спустя.

И больше не отпустит душу север
в край иллюзорной призрачной мечты.
И снова выдаст мне ошибку сервер
на том пространстве, где был раньше ты.

* * *

Верь только самому себе,
когда тебе так надо выжить.
На предначертанной судьбе
узор чужих побед не вышить.

Хоть по крупинке собери
на части порванную душу
под кораблём, что на мели,
руками выгреби всю сушу.

Глотая воздух через боль,
до тошноты растратив силы,
хоть блей овцой, хоть волком вой,
будь среди сильных самой сильной.

Пересечёт Атлантику норд-вест,
дожди и первый снег на нас обрушив,
спеша так, будто времени в обрез,
чтоб снова разорвать на части душу.

На светофорах красным всё горит,
и не прорваться сквозь автомобили
за каменные склепы и гранит,
туда, где мы дожди ещё любили.

По лабиринтам улиц и квартир,
Как белки в колесе по кругу носимся,
И ждём, когда нам случай подфартит
вдруг оказаться под дождями босыми.

И не заметить кончилась межа,
И прыгнуть сходу в море из ромашек.
И плакать, и смеяться, и бежать
С душой открытой, будто нараспашку.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОСТО БЫТЬ

«И легко безвозвратно себя потерять...».....	4
«Исчезнет слабый пульс разорванного солнца...».....	5
«Сегодня снова ветер севера...».....	6
«Весна приходит не по временам...».....	7
«И принимая всё таким, как есть...».....	8
«Вставай! Пойдём! Один шажок!...».....	9
«На тонкой веточке зелёной берёзы...».....	10
«И если врем снова против нас...».....	11
«В стране слепых и одноглазый царь...».....	12
«И уходят герои...и всё реже и реже...».....	13
«Ещё жив старый пёс, что всегда был ничейным».....	14
«Ты этим и поныне часто болен...».....	15
«Да верю. Верую. Не верить было легче...».....	16
«Всегда в оковах бытия...».....	17
«И строй друзей заметно поредел...».....	18
«Задержавшись у друзей попозже...».....	19
«Мы пришли с верой в жизнь...».....	20
«Наступит осень с долгими дождями...».....	21
«Как хочется мне быть сентиментальной...».....	22
«Снова рвётся в окно свежий ветер...».....	23
«Так повелось, Русь многого не помнит...».....	24
«Не двигаться вперёд - идти назад...».....	25
«Вроде всё, как всегда...».....	26
«А вам хотелось просто быть...».....	27
«Сладок мне осени плен...».....	28
«У слепого слепой поводырь...».....	29
«И смотрела нам в лица земля, как чужая...».....	30
«Ну, конечно, знаю, обижаю...».....	31
«Мир нежен и хрупок иголочка льда...».....	31
«Помимо прочих всех печалей...».....	32
«Как капелька предутренней росы...».....	33
«Как будто порванными стягами...».....	34
«Прощайте! Прощайте! Увидимся ли...».....	35
«Замечутся пугливые берёзы...».....	36
«Люблю смотреть я осени в глаза...».....	37
«Нет, не умерить ветра пыл...».....	38

«Не уходи, зима...».....	41
«Тревожно звенели в степи бубенцы...».....	42
«Любовь не меняет маршрута...».....	43
«И прошлое, отчаянно храня...».....	43
«Когда в окне зависнет белый месяц...».....	44
«Понимаешь, так выпали звёзды...».....	45
«Я знала, что весна своё возьмёт...».....	46
«Приду, пусть не во время...».....	47
«Пусть клин последних птиц...».....	48
«Живи, моя любовь...».....	49
«Признайся, что уже...».....	49
«Иди за мной, февральский снег...».....	50
«Закрою дверь, и не пойму...».....	51
«Снова осень вся в одеждах красочных...».....	52
«На тёплых окнах снова снег и иней...».....	53
«Есть в слове «ждать» святая предрешённость».....	54
«Пусть зеркало меня обманет...».....	55
«Легко поверив в майский день...».....	56

Я ПОСТРОЮ КОРАБЛЬ

«Я построю корабль».....	58
«Надежда умирает самой первой..».....	59
«К траве ветерком прикоснётся заря...».....	60
«Пусть алый закат...».....	61
«Стала мен квартира хуже плена...».....	62
«И в закатах, как в красной реке...».....	63
«Последний снег, прощальный снег...».....	64
«Напрасно всё затеют палачи...».....	65
«Я где-то видела твои глаза...».....	66
«Не исчезает в суматохе дней...».....	66
«Пора тебе, зима, скромнее быть...».....	67
«Легко ушла легко пришла...».....	68
«Умеренность во всём...».....	69
«Согреет кровь, излечит душу...».....	70
«Ну, зачем тебе была нужна...».....	71
«Белым шрифтом на белой бумаге...».....	72
«В конце тоннеля света через край...».....	73
«Вдохнув с утра глоток святой надежды...».....	74

«Ветров в моём краю, хоть пруд пруди...».....	75
«Вот опять уходит лето...».....	76
«Где-то веточка жалобно хрустнула...».....	77
«Давай не будем про меня...».....	78
«Есть особая грусть в неразменной монете...».....	79
«Есть те, кто защищается и борется...».....	80
«И потеряются печали...».....	81
«Ещё чуть-чуть, и новая гроза...».....	82
«Не пытайся удержать меня...».....	83
«И самый долгий день...».....	84
«Любовь исчезла из легенд и былей...».....	85
«Поднимай паруса, пока ветер попутный...».....	86
«Проститься не спеши, идущий на закланье...».....	87
«Птицы низко, тучи близко...».....	88
«Пустой, брошенный порог...».....	88
«Убранство сентября накинула на плечи...».....	89
«Время сотни эпох, на алтарь слёзы вылив...».....	90
«Вновь занята она с зимой нелепым спором...».....	91
«Гоните прочь печаль...».....	92
«И сколько б дорог ты, пройдя, не менял...».....	93
«У нас опять капризничает лето...».....	94
«Верь только самому себе...».....	95
«Пересечёт Атлантику норд-вест...».....	96

Некоммерческое литературно-художественное издание

Людмила Анатольевна Линдтроп
Я построю корабль: стихотворения

Книга выходит в авторской редакции

Оригинал-макет В.В. Крамаренко
Технический редактор И.Л. Лазутин
В книге использованы рисунки Е.С. Скрыльникова

Сдано в набор 14.10.2008
Подписано в печать 27.10.2008
Формат 60х90 1/16
Тираж 150 экз.